ване середовище не створює повноцінної можливості для того, щоб людина могла знайти себе поза виробництвом. Бажання вирватися з цього порочного кола надихає масові екологічні рухи "зелених", змушує шукати шляхів, які ведуть до формування альтернативних способів існування.

Специфіка нашого положення зводиться не тільки до незавидного економічного стану країни. Прагнення відірватися від тоталітарного минулого зв'язане з процесом визначення статусу особистості - і в соціально-психологічному, і в культурному, і в правовому відносинах. У такій обстановці вільний час виступає не тільки як засіб відновлення фізичних сил, але і як засіб розкриття духовних потенцій, виконує функцію підтримки цілісності особистості у всьому різноманітті її властивостей і здібностей, створюючи умови для здійснення особистістю внутрішньої самототожності. Вільним у цьому плані виявляється час тих чи інших станів людського буття, в який людина свідомо виявляє зміст і духовну мету свого перебування на землі, утілює світ своєї особистої визначеності. Саме область вільного часу служить сьогодні полем акумуляції "особистісного початку" нашої культури і, одночасно, індикатором його розвитку, самоствердження. Таким чином, мова йде про прояв екологічного аспекту вільного часу в збереженні й утвердженні індивідуальності, що нерозривно зв'язується особистістю з безпосереднім переживанням життєвого призначення, відношенням до свого місця і ролі в суспільстві, які надають індивіду сили не тільки прямувати установкам соціального середовища, але і протистояти несприятливим обставинам.

Такий "екзистенціальний" погляд на природу вільного часу виводить його вивчення далеко за межі дозвільної проблематики, зближаючи більш із соціологією особистості, тому і сприймається перспективним дослідницьким напрямком. Обриси вільного часу виявляють себе не як тверді межі, які установлені державою для всього населення, а як грані життєвого світу особистості. Розмаїтість способів організації, розподілу і використання тимчасового бюджету попадає в залежність від джерел доходу і каналів їхнього одержання індивідом у сполученні з ціннісними установками і життєвими планами.

Література

1. Анашкина Г.П. Досуг интеллигенции в Ульяновске // Социологические исследования. – 2001. – № 12. – С. 97–102.
2. Артемов В.А. Изменения условий и образа жизни в Сибири (1972–1993) // Социологические исследования. – 1995. – № 1. – С. 73–83.
3. Иконникова С.Н., Лисовский В.Т. На пороге гражданской релости (Об активной жизненной позиции современного молодого человека). – Л: Лениздат, 1982. – 176 с.
4. Культура досуга / В.М. Пича, И.В. Бестужев-Лада, В.М. Димов и др. – Киев: Изд. Киев. ун-та, 1990. – 240 с.
5. Культурная деятельность населения: Демографический аспект: Сб. науч. тр. – М.: НИИК, 1986. – 126 с.
6. Маруня В.П. Раціональна організація вільного часу молоді. – К., 1980. – 48 с.
7. Мурзин А.Э. Актуально ли изучать свободное время? // Социологические исследования. – 1993. – № 11. – С. 95–99.
8. Орлов Г.П. Свободное время и личность. – Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1983. – 174 с.
9. Орлов Г.П. Свободное время: Условие развития человека и мера общественного богатства. – Свердловск: Изд. Урал. ун-та, 1989. – 176 с.
10. Патрушев В.Д. Изменения в использовании свободного времени городского населения за двадцать лет (1965–1986) // Социологические исследования. – 1991. – № 3. – С. 24–32.
11. Трегубов Б.А. Свободное время молодежи: Сущность, типология, управление. – СПб.: Изд. С.-Петерб. ун-та, 1991. – 152 с.
12. Труд, быт и отдых трудящихся: Сб. науч. ст./ Отв. ред. В.Д. Патрушев. – М.: Ин-т социологии АН СССР, 1990. – 185 с.
13. Човганський Т.І. Вільний час і виховання особи. – К., 1978. – 46 с.

Хромова О.И.

ПРОБЛЕМА ОТЧУЖДЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ СОВРЕМЕННОГО МИРА

Сегодня уже практически общепризнанным является факт произошедшей в последние десятилетия XX века качественной трансформации общественной жизни в развитых странах; возникновения и генезиса нового типа общества, которое сначала называли «постиндустриальным», а затем – «информационным» и «постэкономическим». Черты этого нового типа социальной реальности анализируются в сотнях работ и в настоящий момент широко известны. Основными признаками постиндустриального общества являются: переход от производства товаров к производству услуг; превращение индустрии информации и информационных технологий в ключевой фактор прогресса; доминирование класса «технических профессионалов»; интеллектуализация труда, что в свою очередь приводит к усилению значения именно интеллектуальных ценностей как базовых.

Нельзя сказать, что эти преобразовательные процессы завершены во всем мире, но уже сейчас они породили его новый облик, изменив само течение жизни людей по многим существенным аспектам. Сегодня, если бы любому образованному человеку, незнакомому с научными теориями будущего общества, и никогда не занимавшемуся исследованием качественных трансформаций современного мира, пришлось дать характеристику отличительным чертам современного мира, он бы, пожалуй, назвал глобализацию и развитие информационных технологий, и вместе с тем, глобальные проблемы, терроризм и унификацию личности.

Процессы глобализации и развития информаци-

онных технологий широко обсуждаются в научных кругах, в последнее время исследователи немало внимания уделяют и проблеме терроризма. Гораздо меньше внимания в научных дискуссиях по поводу нового типа общества, возникшего в последние десятилетия, уделяется самой, на наш взгляд, главной проблеме социальных изменений: как отразились и отразятся в дальнейшем подобные трансформации на положении личности в данном обществе; каким образом они изменили и изменят в будущем человеческое существование; и как в целом особенности постиндустриальной эпохи соотносятся с экзистенциальностью человеческого бытия.

Сегодня очевидно, что объективные процессы становления постиндустриального общества и связанная с этим глобализация – феномены достаточно противоречивые, порождающие как положительные, так и отрицательные последствия. К последним относятся глобальные проблемы, которые имеют тенденцию накапливаться и умножаться, что позволяет философам и ученым говорить о «глобальном кризисе современности». На наш взгляд, одним из главных последствий этого кризиса, и вместе с тем, его зловещим проявлением, выступает отчуждение: отчуждение между человеком и окружающим миром, между человеком и обществом, между членами общества, между внутренним миром человека и его социальным бытием. И всесторонний философский анализ этого явления, безусловно, является актуальной проблемой. *Целью* статьи является анализ проблемы отчуждения в контексте постиндустриальных трансформаций современного мира. Для реализации поставленной цели необходимо выполнить конкретную *задачу* – попытаться обозначить основные вехи такого анализа.

Прежде всего, обратимся к этимологии слова «отчуждение». В русском языке оно означает «прекращение близких отношений между кем-нибудь, внутреннее отдаление» [1, с.391]. «Отчужденный» же трактуется как «погруженный в себя, безразличный к окружающему» [1, с.391]. В философии чаще всего отчуждение определяется как категория, которая означает «процесс и результат превращения деятельности человека в независимую, чужую и господствующую над людьми силу» [2, с.145].

Следует отметить, что термин «отчуждение» на протяжении всего развития философской мысли (и в целом, общественной мысли) использовали представители различных философских направлений в разных значениях. Аристотель, например, употреблял этот термин для характеристики состояния «исключения из общности людей» и «передачи собственности». В христианской теологии присутствовал образ человека, «отчужденного от Бога», фиксировался разрыв между «грешной телесностью» и «свободным духом» (Ориген). Мистицизм (теософия, антропософия, суфизм) трактовал отчуждение как освобождение благодаря духовному экстазу от земных цепей и указывал на то, что отчуждение является предпосылкой получения сверхъестественной «истины», «чистого знания». Светские версии отчуждения базируются, как правило, на искажении характера и содержания деятельности человека антигуманными общественными условиями (проблема свободы личности, ее «освобождения»). Понятие отчуждения рассматривалось в философии немецкого и французского Просвещения, в гуманистических учениях.

Попытки построения стройной собственно философской теории отчуждения, которая бы содержала пути его преодоления, берут свое начало в немецкой классической философии. По Гегелю, отчуждение является следствием процесса любого объективного духовного начала (абсолютной идеи) в мире природы и общества. Гегелевская концепция отчуждения, которая является одной из самых влиятельных, по сути, отождествляет отчуждение с процессом опредмечивания и распредмечивания, и тем самым придает феномену отчуждения «вечный», фатальный характер. У Гегеля оно выступает частью любой человеческой деятельности. Фейербах, анализируя сущность религии, предложил социально-антропологическую, материалистическую концепцию отчуждения. Он вскрывает «земные» факторы отчужденного сознания. У Фейербаха отчуждение представляет собой процесс самоотчуждения человеком собственных качеств, чтобы наделить ими продукт собственного воображения – Бога.

В отличие от Гегеля и Фейербаха, Маркс рассматривал данное явление в социальном и экономическом контексте. По Марксу, смысл отчуждения состоит в деформировании «сущностных сил» человека, вследствие чего человек лишается своей родовой творческой определенности. Социально-экономическими факторами, вызывающими отчуждение, согласно марксистской теории являются частная собственность на средства производства и эксплуатация наемного труда, фетишизация продуктов труда, товаров; социальное неравенство. Однако сосредоточение внимания исключительно на экономической сфере исследования феномена отчуждения обусловило некоторую ограниченность и несовершенство марксистской теории.

XX столетие в истории человечества было отмечено нарастанием процессов дегуманизации общества, утратой человеком своей сущности. В начале прошлого века проблема отчуждения рассматривается преимущественно в культурологическом (М. Вебер) и психологическом (З. Фрейд) аспектах. Проблема отчуждения является одной из основных в экзистенциализме. Э. Фромм рассматривает отчуждение как деперсонализацию личности, Ортега-и-Гассет фиксирует разрыв между подлинной культурой и «человеком-массой».

Вообще, в XX веке в науках о человеке на первый план в изучении проблем отчуждения вышла проблема «машинизированного», экстенсивного растрачивания человеческих и природных ресурсов. Попытку осуществить комплексный анализ феномена отчуждения, который бы отвечал современной ситуации, когда отчуждение становится тотальным, пронизывает все сферы человеческого бытия, осуществили представители Франкфуртской школы. Теоретики этой школы выстраивают концепции отчуждения, опираясь на анализ конкретных социальных процессов и явлений (бюрократизация, унификация, социальное аутсайдерство, аполитичность, деградация сознания под влиянием СМИ). Вместе с тем, в социальной философии Франкфуртской школы проблема отчуждения рассматривается неоднозначно.

Часть представителей Франкфуртской школы

акцентирует внимание на субъективных проявлениях отчуждения. При этом объектом изучения становятся индивидуальное поведение человека, феномены расщепленности сознания отдельной личности. Так, Г. Маркузе фиксирует появление как следствие социального кризиса «одномерного человека», жизнь которого превращается в функционирование, в подчинение выполняемым им социальным функциям. Это калечит духовный мир человека: из него выпадают духовное богатство и полнота бытия; внутренний мир его суживается до крайне ограниченного круга интересов. Такого человека гнетет чувство своей ненужности, заброшенности, чувство глубокого одиночества [3].

Другие теоретики рассматривают отчуждение как объективный феномен, подвергая анализу социально-экономические факторы и процессы, свойственные данной социальной структуре общества. Ю. Хабермас, например, считал, что в современных условиях экономические закономерности капитализма модифицированы влиянием государства, которое получило функции планирования и регулирования производства и распределения. Таким образом, источник общественных кризисов переместился из экономической в административно-управленческую сферу. Поэтому социальные кризисы теперь носят социокультурный характер: управление, которое базируется на рациональности, входит в конфликт с реально господствующими в обществе иррациональными мотивами поведения. Противопоставление социокультурного «жизненного мира» институциональным структурам общества, а также интерсубъективного понимания «практических вопросов» «техническим вопросам» создает противоречия, которые порождают кризис легитимности современного общества, которое само по себе неспособно через институциональные структуры реализовать творческий потенциал человека, что ведет к его отчуждению от общества.

Некоторые исследователи Франкфуртской школы переносили исследования отчуждения в культурологическую плоскость. В центре внимания Т. Адорно – регрессивные социально-антропологические изменения (отмирание рефлексов, замена их стереотипными реакциями), которые связаны с развитием массовой «индустрии культуры», стандартизацией отношений в механистическом «руководимом обществе». История западноевропейского общества, начиная со времен Гомера – это история «цивилизаций, которые не удались», история «индивидуализации» человека, которая тождественна с его углубляющимся отчуждением [4].

Таким образом, очевидно, что человечество в течение прошедших тысячелетий своей истории в конце концов осознало, что во всемирной истории наряду с достижением желаемых результатов люди постоянно приобретают еще и нечто такое, что не входило в их намерение и вообще ими не предполагалось; что законы природы, господствующие над ними и законы их собственного общественного развития часто противостоят людям как чуждые и враждебные силы. Именно осмысление этого факта и привело к появлению философской категории «отчуждение».

Современный мир существенно отличается уже даже от мирового сообщества 70-80х годов XX века. Признаком современной мировой цивилизации, как было сказано выше, является становление информационного общества, все возрастающая роль информационных технологий, охватывающих практически все сферы жизни сегодняшнего человека, и непрерывное углубление процессов глобализации, формирующих новый облик человечества. Все это уже сейчас привело к тому, что многие процессы и явления в современном мире требуют общепланетарного измерения. Не исключением является и феномен отчуждения. Проблема усугубляется еще и тем, что в русле постиндустриальных и глобалистских трансформаций мирового сообщества возникли новые формы отчуждения, которые вполне соответствуют духу времени и потому несомненно опасны для личности и общества, угрожают самому существованию человечества, лишают человеческое бытие экзистенциальности.

Наиболее ярким отражением глобальных изменений человеческой цивилизации, на наш взгляд, выступает все растущее отчуждение между наиболее развитыми западными странами и странами третьего мира, которые не хотят мириться с ролью аутсайдеров. Зловещим проявлением этого вида отчуждения является рост терроризма (который также, в принципе, можно рассматривать как новую самостоятельную форму отчуждения), приобретающего масштабы всемирной угрозы, и выступающего одной из глобальных проблем современности. Корни и причины терроризма достаточно разнообразны, неоднозначны и противоречивы, поэтому те, кто хотят в глазах общественного мнения превратить террористов в заведомых злодеев и монстров, движимых исключительно низменными целями, попросту пытаются упростить ситуацию. Главной причиной этого явления, на наш взгляд, выступает именно растущее отчуждение – отчуждение между исламским и христианским миром, между информационными и традиционными обществами. Как пишет В.Г. Федотова: «Атакующие Америку ненавидели ее за триумфализм, за навязываемое статус кво, несмотря на то, что радикальные исламисты недовольны своим положением и своим местом в глобальной экономике, за непонимание того, что они – другие, за отчуждение, за soft power – макдональдс, Голливуд» [5, с.15]. Корень этого феномена именно в несправедливости глобализации, неравномерности развития современного мира, в цивилизационных противоречиях и психологических травмах, порождаемых отчуждением.

В таких условиях в настоящее время проявляются отчуждение и самоотчуждение человека в политической жизни общества. Это хорошо заметно на примере украинского общества в том числе. Оно находит свое выражение в том, что даже люди, интересующиеся политикой, не могут найти своего места в ней и зачастую вполне целенаправленно отстраняются властвующими элитами от политической жизни и аппарата управления. Кроме того, часть людей, и с каждым годом все большая часть, и сама не желает принимать участие в политической деятельности, считая ее непродуктивной, и зачастую вообще не имеет должного представления о властных отношениях, политических институтах, управлении государством и т.п. Тенденция эта тем тревожней, что, например, в Украине, согласно последним социологическим опросам аполитичная часть общества посто-

янно возрастает, и в первую очередь, это касается молодежи.

К типичным проявлениям отчуждения в духовной жизни общества можно отнести антиинтеллектуализм эпохи научно-технической революции и информационного общества. Причем, на протяжении всей истории человеческого общества властвующие элиты зачастую провоцировали возникновение подобного явления, преследуя и зачастую уничтожая представителей интеллектуального авангарда, хотя и испытывали определенную зависимость от них. Зависимость эта проявлялась в том, что власти понимали, что в творчестве, в продуцировании нового знания всегда содержится потенциальная угроза любой деспотической форме правления, в какие бы лозунги она официально не была облечена. Но, с другой стороны, интеллектуалы были совершенно необходимы им даже просто для того, что сохранять существующее положение и власть. Сегодня, несмотря на повсеместное декларирование демократических ценностей, по сути, мало что изменилось. Напротив, это традиционное противоречие достигло определенного напряжения. «Ведь главным образом, отчуждаются критически мыслящие люди, а не люди, обладающие наибольшим запасом информации» [6, с.120].

Отчуждение в сфере духовной жизни также ярко проявляется в литературе и искусстве, в формах общедоступного чтива, так называемой «бульварной литературы» и зачастую низкопробной индустрии массовых развлечений. Вообще, в современном обществе, корни отчуждения в духовной жизни общества, отчуждения между людьми и самоотчуждения человека, на наш взгляд, прежде всего связаны с массовизацией общества и с возникновением массовой культуры. Действительно, «массовизация общества в изобилии породила массовых людей как новую качественную разновидность человека, появившуюся в современном информационном массовом обществе. Все больше становится массовых маленьких людей, уходящих тенью в культурное никуда. Все длиннее становится список «пропавших без вести», т.е. проживших настолько незаметно бесцветную жизнь, потерявших свое уникальное человеческое лицо, что их можно считать пропавшими без вести» [7, с.55].

Массовая культура становится последним пристанищем маленького, среднестатистического человека, «человека-массы». Если высокое искусство всегда было занято высокими страстями, яркими характерами, то масскульт делал своим героем обычного человека. Раньше это было проявлением демократизма массовой культуры. Но сегодня, когда масса вышла на историческую арену, все существенно изменилось. Вместо гуманистического демократизма раннего этапа массовой культуры появляется воспевание мещанского идеала маленького человечка современного глобального общества. Сегодня, видя свое отражение в массовом искусстве, «человек-масса» утрачивает ощущение своей малости, ибо понимает, что он – «как все». Массовая культура дает обычному человеку возможность ориентироваться в наиболее типичных ситуациях, сообщает ему минимум необходимых культурных сведений, позволяющих ему хоть как–то вписаться в общество. И массовый человек не замечает обыденного, тривиального, нетворческого характера своей жизни, да и самой массовой культуры, которую он привык потреблять. Постепенно потребительство становится доминирующей чертой, определяющей всю жизнь человека. И в результате отношения между людьми также делаются отчужденными отношениями потребления.

Наконец, еще одной негативной тенденцией современных преобразований человеческого общества, особенно наглядно проявляющейся в нашей стране, является пришедшая опять же вследствие распространения массовой культуры тотальная вестернизация общественных идеалов и ценностей, что приводит к утрате национальной идентичности и усилению процессов общественного отчуждения.

Все указанные тенденции указывают на необходимость комплексного социально-философского анализа проблем отчуждения в современном мире. Необходимо также рассматривать и реальные последствия действия отчуждения на личностном уровне. Зарубежные исследователи уже сегодня непосредственно связывают положение личности в отчужденной системе с разнообразными социальными заболеваниями, количественно-качественные показатели которых постоянно растут. К ним относят различного рода психические и нервные расстройства, преступность, алкоголизм, наркоманию. Скорее всего, социальные болезни личности в современном обществе действительно имеют связь с явлением отчуждения. В таком случае преодоление отчуждения и самоотчуждения человека выступает как путь к здоровью общества, путь к подлинно человеческой жизни, достойной мыслящего существа. И хотя, отчуждение, как утверждал когда-то Гегель, действительно сопровождает человека всю его историю, постоянно приобретая новые формы, преодоление его в процессе своей жизни является, пожалуй, главной задачей любого человека, осознает он или не осознает степень своего отчуждения, ибо иначе он утратит свою человеческую сущность.

Литература

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка /Под ред. Н.Ю. Шведовой. – 19-е изд. – М.: Рус. яз., 1987.
2. Філософський словник соціальних термінів /Під заг. ред. В.П. Андрущенка. – Харків: “Корвін”, 2002.
3. Маркузе Г. Одномерный человек. – М.: «REFL – book», 1994.
4. Лейбин В.М. Фрейд, психоанализ и современная –западная философия. – М.: Политиздат, 1990.
5. Федотова В.Г. Терроризм: от старого к новому // Философские науки. – 2003. – № 2. – С.5–26.
6. Грицанов А.А., Овчаренко В.И. Человек и отчуждение. – Мн.: Выш. шк., 1991.
7. Самохвалова В.И. Масскульт и маленький человек //Философские науки. – 2001. – № 1. – С.55–66.